

Щекотин Евгений Викторович

**ФЕНОМЕН "АТОМАРНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ": ТЕРРОРИЗМ ОДИНОЧЕК КАК ВЫЗОВ
СОВРЕМЕННОМУ МИРУ**

В статье представлен теоретический анализ феномена терроризма и его трансформации в условиях информационного общества. Терроризм трактуется как разновидность гражданской войны. Рассматривается возникновение новых форм терроризма ("терроризм одиночек"), обусловленных процессами глобализации и информатизации. Предлагается концепт "атомарной гражданской войны" для характеристики социально-исторического контекста, в котором терроризм одиночек получает развитие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/60.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 214-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

законы. Сегодняшнее многоголосое гудящее, стонущее, кричащее пространство должно *услышать* «эхо музыки, звучавшей в Иерусалимском Храме, ибо по многим свидетельствам Иерусалимский Храм был источником тех идей, мировоззрения и мироощущения, которые потом канонизировались в культурах других народов» [2].

Список литературы

1. **Абашидзе И.** Ищу заветный след: стихи / пер. с груз. М.: Детская литература, 1970. 143 с.
2. **Айзенштадт А.** Музыка и Храм... [Электронный ресурс]. URL: http://toldot.ru/tora/articles/articles_679.html (дата обращения: 07.07.2016).
3. **Древний Восток:** учебное пособие для вузов. М.: Астрель; АСТ, 2008. 654 с.
4. **Ефименко П. П., Третьяков П. Н.** Абашевская культура в Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 97. Абашевская культура в Среднем Поволжье. С. 43-110.
5. **История костюма** / сост. Натальей Будур. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 480 с.
6. **Ланж Н.** Иудаизм: древнейшая мировая религия / пер. с англ. Г. Г. Ястребова. М.: Эксмо, 2012. 336 с.
7. **Садаев Д. Ч.** История древней Ассирии. М.: Наука, 1979. 243 с.
8. **Суровцев Ю.** Душа поэта распахнута перед тобой // Абашидзе И. Ищу заветный след: стихи / пер. с груз. М.: Детская литература. 1970. С. 5-10.
9. **Шигурова Т. А.** Звук в костюме мордвы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 112-118.
10. **Шигурова Т. А.** Свадебная одежда мордвы. Саранск, 2010. 172 с.
11. **Шигурова Т. А.** Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 156 с.
12. **Шигурова Т. А.** Текст мордовского костюма как «память культуры» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 3-х ч. Ч. III. С. 197-201.
13. **Шигурова Т. А.** Традиционный женский костюм в аспекте этногенеза мордовского народа // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2009. № 4. С. 107-111.

TO THE ORIGINS OF SOUND IN COSTUME

Shigurova Tat'yana Alekseevna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University
shigurova_tatyana@mail.ru

The article studies the origins of sounding elements emergence in the costume of peoples of the world, and in particular in cultures of the Ancient East. Sound semantics is considered in close relation to the formation of value ideas of the society about the world around and the place of a man in it. An attempt is made to trace interrelation of using the sound code in the costume with the definition of peculiar properties of a particular culture, characteristic features of mentality and attitudes of people. Influence of the resulting semantic field on all the spheres of cultural space is shown.

Key words and phrases: world of sounds; cultural space; costume; metal products; bells; sound signal; value meanings.

УДК 304

Философские науки

В статье представлен теоретический анализ феномена терроризма и его трансформации в условиях информационного общества. Терроризм трактуется как разновидность гражданской войны. Рассматривается возникновение новых форм терроризма («терроризм одиночек»), обусловленных процессами глобализации и информатизации. Предлагается концепт «атомарной гражданской войны» для характеристики социально-исторического контекста, в котором терроризм одиночек получает развитие.

Ключевые слова и фразы: терроризм; терроризм одиночек; информационное общество; глобализация; информационное пространство; «атомарная гражданская война».

Щекотин Евгений Викторович, к. филос. н., доцент
Томский государственный университет
evgvik1978@mail.ru

**ФЕНОМЕН «АТОМАРНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»:
ТЕРРОРИЗМ ОДИНОЧЕК КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ МИРУ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.

Проблема терроризма в современном мире стала одной из важнейших глобальных проблем. В конце XIX – первой половине XX в. сложилось определенное концептуальное представление о терроризме как

социальном явлении. Во-первых, атаки террористов прошлого носили избирательный характер – нападения подвергались конкретные лица (монархи, чиновники, военные и полицейские), которые представляли правящий класс [5, с. 259]. За редким исключением террористы четко персонифицировали объект своей атаки. Во-вторых, террористы всегда стремились легитимировать насилие через высшие принципы справедливости, действуя от имени различных групп или организаций, которые оспаривали монополию государства на насилие. (Например, террористы-народовольцы, совершавшие покушения на Александра II, действовали от имени Исполнительного комитета организации «Народная воля», который вынес царю смертный приговор [6, с. 20].) «Классические» террористы находили веское моральное обоснование своим действиям. Собственно, обращение к высшим ценностям для оправдания террора отличало «классический» терроризм XIX-XX вв. от обыкновенного бандитизма.

В этом смысле терроризм являлся тактикой внутриполитической борьбы за власть, средством достижения политических целей, которые затрагивали вопросы устройства общества и государства. Политический терроризм прошлого можно рассматривать как разновидность гражданской войны, которая происходила внутри конкретного общества в определенный момент истории. Так, эсер-террорист И. Каляев на суде прямо заявлял, что он является не подсудимым, а «пленником»: «Мы – две воюющие стороны... Вы объявили войну народу, мы приняли вызов» [3, с. 76]. В случае, когда к совершению теракта оказывались причастны внешние силы (реально или гипотетически), это трактовалось как диверсия или интервенция и нередко служило поводом к войне (самый известный пример тому – это убийство австрийского наследника Франца Фердинанда, ставшее поводом для начала Первой мировой войны).

В соответствии с таким пониманием терроризма выстраивалась стратегия противодействия, которую использует государство: идентификация агентов террора (организаций или отдельных лиц), их локализация и ликвидация. Однако в ситуации формирования глобального миропорядка ситуация меняется. Здесь будет уместно напомнить удачную метафору «глобальной деревни» М. Маклюэна [4]. Создание и распространение социальных сетей является материализацией этой метафоры – значительная часть политической активности переходит в слабо цензуруемое и неконтролируемое информационное пространство. Распространение экстремистской информации, вербовка новых членов, в том числе и призывы к совершению терактов, происходят в виртуальном мире. В информационном пространстве такая деятельность не направлена на конкретного человека, она охватывает целое «облако» пользователей, не обращаясь ни к кому персонально.

Новые формы коммуникации создают новый субъект террористической угрозы – это не отдельное физическое лицо или организация, это некое множество, дисперсная структура, «рой» физических лиц, которые могут быть совсем не связаны друг с другом или связаны слабыми связями. Такой виртуальный актер обладает рядом специфических свойств – он практически прозрачен для традиционных систем контроля (он конструируется слабыми связями, которые не позволяют однозначно идентифицировать потенциального террориста), он не локализован (ликвидация одного сайта или виртуальной группы не означает ликвидацию самого субъекта-множества), его переход из виртуального пространства в физическую реальность повседневного бытия спорадичен и непредсказуем (невозможно предсказать, кто из членов множества и в какой момент перейдет к «прямодействию»), т.е. к совершению насилия, тем более средством совершения терактов для террористов-одиночек все чаще становятся вполне повседневные предметы).

В этом виртуальном мире формируется новый тип террориста – террорист-одиночка. Он не является профессионалом, посвятившим свою жизнь борьбе, часто он слабо связан с какой-либо организацией. Эти террористы не скрываются в подполье (или в далеких горах), они находятся внутри самого общества. Террорист-одиночка не конспирируется, не прячется, не ведет незаконной деятельности, не уходит из общества. Это обыватель, который в какой-то момент спонтанно совершает теракт или массовое убийство.

В ситуации насаждения глобального миропорядка, которое осуществляется рядом западных государств, гражданская война, одной из форм которой является терроризм, приобретает мировой масштаб. В этом смысле выражение «международный терроризм» является оксюмороном – всемирная гражданская война разворачивается внутри одной системы властных отношений, которая возникает над государствами и которую можно назвать «Империей» [7, с. 12]. Террористические атаки и война с террором разворачиваются в одном пространстве капиталистических отношений, которые в глобальном мире важнее и влиятельнее, чем национальные государства. Однако это глобальное пространство не целостно, его неоднородность создает ложную иллюзию цивилизационных и религиозных оснований терроризма. Ж. Бодрийяр, несколько романтизируя этот феномен, пишет, что терроризм современного типа – это не столкновение цивилизаций или религиозных убеждений, а столкновение глобализации с самой собой, это восстание единичности, сингулярности против глобального порядка власти [2, с. 100].

Термин «всемирная гражданская война» впервые прозвучал в самом начале 60-х гг. XX в. в работах Х. Арендт и К. Шмитта. Оба автора связывают это явление с событиями Второй мировой войны, когда применение практики чрезвычайного положения приводит к фактической приостановке действия норм права в отношении человеческой жизни. Дж. Агамбен отмечает, что, по сути, законы, принятые после 11 сентября в США (в том числе известный «Патриотический акт»), являются не чем иным, как таким «чрезвычайным положением» [1, с. 10-12].

Отличие современной ситуации от середины XX в. в том, что гражданская война ведется не государствами, она разворачивается на внегосударственном уровне. Сопrotивление оказывают определенные группы внутри глобального миропорядка. Гражданская война перемещается на «молекулярный» уровень, туда,

где сталкиваются не крупные системы, такие как национальные государства, а разного рода внесоциальные общности (т.е. они могут быть как над-, так и догосударственными). Ареной этой войны в «горячей фазе» становятся пространства, где можно ускользнуть от контроля – начиная от погруженных в хаос государств, таких как современный Ирак, Ливия, Афганистан или Сомали, и вплоть до неконтролируемых очагов насилия внутри самих глобальных центров власти.

Понятие «молекулярная гражданская война» было предложено немецким поэтом и публицистом Х. Энциенсбергером [8, р. 10]. Этим термином он характеризует рост насилия внутри западных, внешне благополучных обществ. Это насилие возникает повсюду – на улицах и в школьных классах, в квартирах и организациях. Молекулярная гражданская война имеет форму гоббсовской «войны всех против всех». А. Негри пишет, что в ситуации, когда власть национальных государств заменяется глобальной формой суверенитета, который подчиняет все страны мира, любая война обязательно становится гражданской [9, р. 55-56]. «Традиционная» гражданская война (которую А. Негри называет «молярной») представляет собой конфликт между двумя потенциально разделенными и суверенными силами (например, Гражданская война в США). Молекулярная гражданская война имеет принципиально иную природу – это конфликт между частично совпадающими сетевыми структурами, который развивается в одном общем пространстве.

Феномен терроризма одиночек – это следующий шаг в трансформации «всемирной гражданской войны». Террорист-одиночка не дифференцирует своих жертв, не пытается легитимировать насилие посредством обращения к высшей ценности. В данном случае насилие выступает в качестве средства и цели. Явление терроризма одиночек можно назвать «атомарной гражданской войной». Традиционная гражданская война разворачивается между участниками, которые наделяют себя суверенитетом, борются за власть и стремятся сами принять государственную форму. Сторонами молекулярной гражданской войны являются полу- или неформальные сообщества, которые представляют бунтующие массы и главным объектом атаки которых являются глобализированные государства. В атомарную гражданскую войну втягиваются отдельные индивиды, и объектом, на который направлено насилие, становятся другие индивиды. Таким образом, изменяется масштаб всемирной гражданской войны, она перемещается на уровень индивидуальных взаимодействий. Это бросает серьезный вызов существующей философии безопасности, сложившейся в середине XX в. как ответ на другие угрозы и в другом социально-историческом контексте. Преодоление этой угрозы требует более гибкой и открытой философии безопасности.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: Рипол Классик, 2016. 224 с.
3. Закиров Р. С. Суд над эсером-террористом И. П. Каляевым // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. 1. С. 75-79.
4. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ; Астрель; Neoclassic, 2012. 224 с.
5. Мерари А. Терроризм как стратегия борьбы: прошлое и будущее // Прогнозис. 2006. № 1 (5). С. 253-265.
6. Троицкий Н. «Народная воля» и её «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX в.): материалы конференции / под ред. Б. Ю. Иванова, А. Б. Рогинского. М.: Мемориал, 1996. С. 17-23.
7. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
8. Enzensberger H. M. Civil War: from L. A. to Bosnia. N. Y.: New Press, 1994. 144 p.
9. Negri A., Hardt M., Zolo M. Reflections on Empire. Cambridge: Polity Press, 2008. 200 p.

PHENOMENON OF “ATOMIC CIVIL WAR”: TERRORISM OF INDIVIDUALISTS AS CHALLENGE TO THE MODERN WORLD

Shchekotin Evgenii Viktorovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tomsk State University
evgvik1978@mail.ru

The article presents a theoretical analysis of the phenomenon of terrorism and its transformation under the conditions of the information society. Terrorism is interpreted as a kind of civil war. Emergence of new forms of terrorism (“terrorism of individualists”) conditioned by the processes of globalization and informatization is considered. The concept “atomic civil war” is proposed to describe social and historical context, in which terrorism of individualists is developed.

Key words and phrases: terrorism; terrorism of individualists; information society; globalization; information space; “atomic civil war”.